М.В. КИРПИЧЕВА
(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-3(Зайцев Б. К.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44

«ПРИЗЫВ ЧЕЛОВЕКА К НЕБУ: О ПОВЕСТИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «РЕКА ВРЕМЕН»

Аннотация. Статья посвящена итоговому произведению Б.К. Зайцева – повести «Река времен», отражающей мировоззренческую позицию писателя и проявившей доведенное до совершенства мастерство художника. С опорой на язык произведения, на технику повествования, с привлечением наблюдений над семантикой цвета и деталей интерьера раскрывается психология главных героев, выявляется резкое своеобразие персонажей и вместе с тем их духовное родство.

Ключевые слова: Зайцев, писатель-праведник, повествование, стилевые особенности, семантика цвета, создание художественной атмосферы, тип религиозного сознания

Борис Константинович Зайцев (1881 – 1972) – прозаик и мемуарист, одна из последних крупных фигур Серебряного века. С 1922 года – в эмиграции, сначала в Берлине, а с 1923 года в Париже, где и прожил следующие 50 лет. Находился в дружеских отношениях с Иваном Буниным. Его духовником был известный богослов архимандрит Киприан (Керн). На протяжении десятилетий художественное наследие Бориса Зайцева находилось в незаслуженном забвении. А ведь оно велико и разнообразно: рассказы, пьесы, повести, очерки, романы, художественные биографии, мемуары, публицистика, переводы.

Несмотря на небольшое количество работ по изучению наследия писателя, они все же есть и в них прослеживается некоторое общее направление восприятия творчества Зайцева. Исследователи отмечают религиозную, христианскую окрашенность всего творчества писателя, особенно усилившуюся в период эмиграции («…особенно в “Доме в Пасси”, в небольших рассказах и в “Путешествии Глеба”» [Струве 1996: 179]) и глубокий лиризм в светло-прохладных тонах. «Лиризм Зайцева – иной природы, чем лиризм Бунина. Если Вейдле (Владимир

Вейдле – культуролог и литературный критик Русского Зарубежья – прим. М.К.) удачно уподобил творчество Бунина образу «сияющего полдня», то творчество Зайцева вызывает на ум нежный полусвет окутанного дымкой утра. Ничего яркого, резкого, все немного смазано, расплывчато» [Там же]. «Вообще, в красках у Бориса Зайцева постоянная мягкость… И не потому ли, еще в 1907 году Анастасия Чеботаревская, первая, определила стиль Бориса Зайцева как мягкую акварель…» [Грибановский 1972: 141]. С тех пор художника принято причислять к импрессионистам. Импрессионистский стиль характеризуется передачей впечатлений, настроений, мимолетных эмоций и тонких психологических нюансов. Все это мы встречаем в творениях писателя. М.М. Дунаев, исследователь русской литературы в православном ключе, разделяя эту точку зрения, пишет о том, что своеобразие произведений Зайцева заключается «в эмоциональном переживании мира во всех его проявлениях и оттенках» [Дунаев].

П. Грибановский в своей статье в качестве доминанты зайцевского творчества указывает его духовную сторону. Он рассматривает развитие таланта художника не только как «техническое возрастание», но и как «духовное совершенствование». Так же, как и другие критики, Грибановский усматривает в произведениях Зайцева лиризм, исполненный света: «Свет этот растворяет темную накипь жизни, заглушает грубость уличных шумов, взрывы-крики уличной толпы» [Грибановский 1972: 140] и красок жизни: «А ведь краски эти прекрасны. В зайцевских пейзажах, очень многочисленных, радует тихая лирическая грусть и действительно «левитанская» прозрачность и глубина. Всегда в них чувствуется воздух, всегда пейзаж о чем-то говорит» [Грибановский 1972: 140]. И за всеми этими пейзажами и поэтическими деталями просвечивает образ Творца, всегда неизменный и заполняющий собой все, являющий Свет миру и отражающийся в каждом своем творении. Это удивительное, не каждому доступное качество Зайцева-художника – чувствовать в совершенной красоте природы дыхание Бога – есть одна из его главных художественных особенностей.

Ощущение наполненности мира Божественным Духом во всей полноте выражено в венце творения – человеке. Поэтому так осторожно и любовно писатель «обращается» со своими героями. «Борис Зайцев, сам может быть того не ведая, с ранней писательской поры своей, ищет и всегда находит в человеке крупинку святости, скрытый в нем образ Божий; слышит вечно живой, хотя бы и подсознательный, призыв человека к Небу. Поэтому-то он осторожен и

бережен со слабым человеком, с этим хрупким «сосудом скудельным», хранящим каплю драгоценного мира» [Грибановский 1972: 149].

Особое место в зарубежном творчестве писателя занимает одно из его последних произведений – повесть «Река времен». Никита Струве в памятной статье «Писатель-праведник», посвященной писателю, называет ее едва ли не лучшей и достойной «стать среди десяти самых удачных русских повестей XX века» [Струве 2000: 467].

«Река времен» является неким средоточием смыслов и мировоззренческих взглядов Зайцева. Тот же Струве пишет о тоне и характере выражения этого мировоззрения: «Религиозен Борис Константинович был без надрыва и пафоса, коренно, истово, и эта спокойная религиозность придавала его тихим речам вкус и вес» [Там же, 468].

Эта «спокойная религиозность» выражалась в неспешном, равномерном течении зайцевского повествования, которому не свойственны «размашистые жесты и внезапные удары голоса» [Степун]. По словам Ф.А. Степуна, «в лиризме Зайцева больше вздоха, чем стона. Печаль его светла» [Там же]. Этот свет в «Реке времен» передан за счет деталей в образах персонажей: у монаха Андроника огромные прекрасные глаза, он «молчаливый и всегда задумчивый» [Зайцев 2000: 301]; архимандрит Савватий, со своей «ослепительно серебряной главой, бородой белейшею» [Там же] – хоть и полная его противоположность, но светится житейской мудростью.

Если мы обратимся к особенностям повествования в «Реке времен», то заметим характерную, присущую всему творчеству писателя неспешность, вдумчивость и спокойствие: «…отсвет каштанов за окном дает ей полусумеречный спокойный тон» [Зайцев 2000: 303]; «Лицо его приняло совсем спокойное, прочное выражение» [Зайцев 2000: 303]; «в движении этом была спокойная, непобедимая сила…» [Зайцев 2000: 307]; «лицо спокойно» [Зайцев 2000: 318]; «все делал как будто спокойно, молчаливо» [Зайцев 2000: 318]. Спокойствие – это состояние, уверенного в себе, в Истине, которую он обрел, человека. Таким предстает перед нами один из героев повести архимандрит Савватий, «настоящий кондовый, коренной монах» [Зайцев 2000: 301]. Он олицетворение бытового, житейского восприятия веры. Даже внешность его – такая простая, мужицкая – «сильный, плотный, румяный» [Зайцев 2000: 301] – говорит об этом. Совсем иная религиозность другого персонажа повести – архимандрита Андроника. «Андроник вовсе еще не стар, но с проседью уже, худой, высокий, несколько чахоточного вида, с

огромными прекрасными глазами, молчаливый и всегда задумчивый» [Зайцев 2000: 301]. Он человек с тонкой душевной организацией, сомневающийся: «Какой я монах? Сам-то? Нервная баба…» [Зайцев 2000: 313]; часто впадающий в уныние: «Все говорило об усталости, оцепенении – обычный приступ уныния» [Зайцев 2000: 314], но ищущий выхода из своего греховного состояния, желающий обрести радость в Боге.

Своеобразен и поэтичен язык Зайцева. Писатель широко использует обратный порядок слов, что создает ощущение стихотворной речи: «Древнего письма икона» [Зайцев 2000: 303], «святой жизни женщина» [Зайцев 2000: 303], «в минуту бедственную» [Зайцев 2000: 304], «кофе, благоуханно дымящий» [Зайцев 2000: 305], «молился, о многим запутанной душе своей» [Зайцев 2000: 308], «в стране нерусской ведет он свою жизнь» [Зайцев 2000: 301]. Это отражает не только своеобразный стиль писателя, но и передает духовную, творческую атмосферу жизни монахов. Архимандрит Андроник, несмотря на свой строгий аскетизм, не чужд культуре и творчеству: в комнате его висят портреты философа Константина Леонтьева, императора Александра I, писателя-католика Леона Блуа [Зайцев 2000: 301]; он занимается цветоводством; вместе с отцом Савватием читают они Державина, в один из вечеров… Перед нами люди отнюдь не замкнутые на собственной духовной жизни, но открытые для восприятия внешней красоты этого мира… В зайцевском творчестве вообще очень развита идея божественной Красоты, разлитой в мире: все вокруг «только отблеск, только тени от незримого очами».

Цвет в рассказе также является одной из составляющих деталей для создания атмосферы: с одной стороны – это зеленый цвет, который символизирует саму жизнь, нежность, возрождение природы – «Каштаны… осеняли горку Святого, зеленоватые их тени блуждали и по взгорью» [Зайцев 2000: 304], «зеленоватом полумраке» [Зайцев 2000: 305], «через несколько минут в зеленоватом полумраке» [Зайцев 2000: 312], «под зеленым осенением каштанов» [Зайцев 2000: 310], а с другой стороны – холодноватый серебряный – «ослепительно серебряной главой, бородой белейшею» [Зайцев 2000: 301], «серебряные струи текут по его пальцам» [Зайцев 2000: 305], «сребро-белеющая голова Савватия» [Зайцев 2000: 313], «кончики серебряных усов слегка орошались» [Зайцев 2000: 316]. Эта противоположность цветов, теплого и холодного серебристого, не случайна: она выступает в качестве дополнительной характеристики двух монахов, таких

разных по своему внутреннему устроению, мирочувствию и отношению к жизни.

Несмотря на эти противоположности, оба монаха являются частью единого образа, они дополняют один другого. Неслучайно Андроник после смерти Савватия ощущает утрату брата во Христе как части себя и удивляется, спрашивая самого себя: неужели были мы так близки с архимандритом Савватием? Он чувствует, что их соединяет «странная связь» [Зайцев 2000: 319]. Андроник удивляется этому открытию в себе, так как порой чувствовал раздражение, неприятие внутреннего устроения архимандрита Савватия: «сегодня раздражило особенно это плебейское «велика ли была сумма»… задела убогая будничность жизни, даже самого Савватия» [Зайцев 2000: 314]. Но монаху по его молитвам Господь открывает нечто важное, то, что является Сутью отца Савватия, как и любого другого человека – «Вот и митрой доволен, благодушествует, а есть в нем и настоящее, непоколебимое» [Зайцев 2000: 317]; «И он пребудет. В вечности. Кряж, древо прямое, корни в земле глубоко, но пребудет» [Зайцев 2000: 314]. Автор репрезентирует читателю единство двух этих абсолютно противоположных персонажей на самом глубинном уровне метафизических отношений – единой Вере и Любви.

Архимандриту Андронику, в финале рассказа, через смерть отца Савватия, открывается божественный мир во всей своей полноте. Он всем своим существом ощущает, что Христос «победил мир»…

Говоря о религиозной составляющей творчества Б.К. Зайцева, стоит сказать, что каждый раз он показывает читателю, что даже ничего не зная о Боге, человек ощущает его в окружающей природе, в любимых и близких людях, в своем сердце. Эта любовь ко всякому человеку, вера в святость его натуры выделяет Зайцева из ряда писателей даже религиозной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

Грибановский П. Борис Константинович Зайцев // Русская литература в эмиграции. Сб. под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург, 1972.

Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII – XX вв. http://sdruzhie-volga.ru/knigi/o_zhizni/m.m-dunaev-vera_v_gornile_somnenij.htm#_Toc287528024

Зайцев Б. К. Собрание сочинений в 11 т. Т. 7. М.: Русская книга, 2000.

Степун Ф. А. Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию. http://predanie.ru/lib/book/read/102659/#toc99

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж-Москва: YMKA-PRESS-Русский путь, 1996.

Струве Н. Писатель-праведник (29.1.1881 – 28.1.1972) // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Святая Русь. Река времен. М.: Русская книга, 2000.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Пращерук